

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

От редколлегии. В данном номере журнала мы завершаем публикацию материалов Всероссийской конференции «Общественный идеал в русской философской и политической мысли», которая состоялась 21 апреля 2021 г. в Институте философии РАН. Конференция, организованная сектором философии российской истории Института философии РАН и Школой философии и культурологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», была приурочена к 100-летию Института философии.

О.А. Жукова

Дискурс о России и проблема общественного идеала в работах П.Б. Струве 1930-х гг.*

Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Школа философии и культурологии факультета гуманитарных наук. Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: logoscultura@yandex.ru

Статья актуализирует философский дискурс о России в наследии П.Б. Струве и открывает дискуссию об общественном идеале в его творчестве. Данный вопрос формулируется в теоретическом и историко-философском ключе. По нашему мнению, сегодня необходимо вернуться к проблеме общественного идеала, которая была поставлена Струве и авторами его круга, рассмотрев ее в культурно-исторической и эпистемологической перспективе. Топика общественного идеала имеет определяющее значение в философских и публицистических текстах П.Б. Струве, посвященных России. Идеиная и политическая борьба мыслителя, по существу, представляет собой борьбу за великую Россию. Желаемый образ лучшей России является идеалообразующим началом его философского творчества и основным мотивом политической деятельности. Цель статьи заключается в концептуализации проблемы общественного идеала в работах Струве 1930-х гг. на основе реконструкции социальных и культурно-исторических аспектов его политико-философской концепции, а также в выявлении преемственности в развитии идеи Великой России в дореволюционный и эмигрантский периоды жизни.

Ключевые слова: П.Б. Струве, русская эмиграция, общественный идеал, национальная культура, политика, Великая Россия, идейная борьба

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Вопрос о России: теория и практика общественного идеала

Особенности социокультурного и политико-экономического развития российского общества побуждают сегодня философов и политологов вслед за выдающимися русскими мыслителями возобновить дискуссию об общественном идеале. В творчестве П.Б. Струве – блестящего интеллектуала, ученого-экономиста, философа и публициста, который неоднократно поддерживал идейные начинания и политические инициативы русской демократической интеллигенции [Колеров, Плотников, 1992, с. 91–102], вопрос о государственном устройстве страны, ее национальной жизни и культуры является тематически определяющим и смыслообразующим [Люкс, 2012, с. 271]. Справедливо утверждать, что проблема развития российской культурной и политической нации во многом определяет содержание творчества Струве, создает его особый историософский профиль. Как и многие русские авторы, Струве был озабочен «последними вопросами» национальной жизни. Горячее стремление к переустройству общественного порядка, рассматриваемого с точки зрения логики экономического и исторического прогресса, движимого идеалами справедливости, привело его к идее революции. Однако крайности революционаризма были им преодолены на почве признания ценности права и государства в процессе анализа проблем русской истории, куда непосредственно была включена и ее глубокая традиция религиозности [Жукова, 2012, с. 126]. Показательно, что русская революция, истолкованная Струве и как социальное, и как метафизическое событие, будучи наиболее масштабным и симптоматическим явлением национальной истории, оказалась для него ключевым сюжетом философского самопознания. Осмысление революции стало главной темой значимой части историософского корпуса эмигрантской литературы, воспроизводящей и развивающей дискурс о России в русской эмиграции.

Работы Струве, Бердяева, Франка, Федотова, Степуна, переживших революцию как историческую трагедию России, преодолевая катастрофизм этого события, интеллектуально обеспечивают линию эволюционного развития российской истории, ее государственности и культуры, подвергая процедуру верификации идеи, говорящие о возможности продуктивного синтеза идеалов национальной культуры и исторического прогресса как возрастания человека и общества в свободе [Вандалковская, 2009, с. 102–104]. Тем самым в творчестве Струве и его выдающихся современников выстраивается и получает оригинальное идейное и ценностно-смысловое наполнение традиция русского европеизма, в рамках которой происходит концептуализация темы общественного идеала, содержащего в себе идею эволюции и творческого развития. Анализ корпуса трудов выдающихся русских философов, писателей, правоведов и политических деятелей круга Струве показывает, что проблематика общественного идеала в отечественной интеллектуальной истории обнаруживает концептуальную и культурную взаимосвязь с европейской философией, где общественный идеал, наряду с феноменом свободы, рассматривается в качестве определяющей идеи-концепта, а его генеалогия восходит к Античности, на чем настаивал Б.П. Вышеславцев [Вышеславцев, 1994, с. 160]. Русская мысль Серебряного века привносит свое видение онтологической, этической и социальной перспективы общественного идеала как культурфилософской и политико-философской проблемы, раскрывающей смысл жизни человека, его способ социального и нравственного бытия, тип взаимоотношения человека и общества, личности и государства, нации и истории. Применительно к наследию Струве, как нам представляется, факт установления смысловой взаимообусловленности и взаимодействия европейской и русской традиций в интерпретации общественного идеала необходим для выявления объема и содержания понятия «общественный идеал», которое входит в философский словарь мыслителя, что позволяет также проследить эволюцию его собственных представлений об общественном идеале.

Стоит специально отметить, что общим проблематизирующим узлом рассуждений Струве становится вопрос об идентичности России и своеобразии ее исторического и культурного бытия, из которого следует и вопрос о национальной идее, месте, роли и миссии России в мировой истории [Струве, 1997, с. 409], – по сути, «чаадаевский» вопрос российской истории, который усваивают и каждый раз на новом этапе развития задают и на который мучительно ищут ответы многие русские авторы XIX – первой половины XX в. На это указывает Бердяев, рассуждая об интеллигенции в «Русской идее» [Бердяев, 1971, с. 28–30]. В этом смысле философские поиски и идейная борьба Струве весьма показательны для интеллектуальной культуры Серебряного века [Гайденко, 2001, с. 450–451]. На наш взгляд, усилия Струве представляют собой попытку критически отнестись к историческому и наличному политическому бытию России, философски переосмыслить ее культурный опыт с целью преодоления архаизирующих, традиционалистских тенденций в логике модернизационного развития, либерализации социального порядка на первом этапе творчества и интеграции духовно-культурных традиций в ткань общественного и политического сознания при построении гражданской нации в духе либерально-консервативных идеалов, что становится главной задачей в эмигрантский периоды. Собственно, эти две стратегии политической философии Струве, типологически определенные Р. Пайпсом как левый и правый либерализм [Pipes, 1970; Pipes, 1980], представляют собой два дополняющих друг друга плана-сценария развития российского общества, возникшие в дореволюционный и послереволюционный период. В нашей трактовке эти политико-философские проекты Струве, ядром которых выступает концепт Великой России, генетически связаны и исторически преемственны, а их идеальным основанием являются философски промысленные образы прошлого, настоящего и будущего России, определяющие содержание социально-политического и духовно-культурного идеала для автора «Великой России».

В этом контексте подчеркнем, что Струве – как наследник Карамзина, Пушкина, Вяземского и Станкевича, Тургенева и И. Аксакова – понимает общественный идеал как путь обретения в социальном и историческом бытии *чаемой России* – государства, нации, культуры. Достижение же мыслимого и желаемого идеала возможно в едином моральном устремлении – в объединяющей творческой работе личности и общества. По крайней мере, такая программа будет намечена авторами «веховской» линии русской философии Серебряного века [Березовая, 1994, с. 70–90] – направления, во многом заданного мыслительной траекторией Струве.

Важно, что свою способность быть организатором и модератором интеллектуальной и политической среды он не утратил и в эмиграции. В середине 1920-х гг. Струве воспринимается как один из самых авторитетных общественных деятелей русской эмиграции, редактирует парижскую газету «Возрождение» и председательствует на самом внушительном зарубежном съезде русской диаспоры в апреле 1926 г. Это был пик политической карьеры Струве, провозгласившего в день открытия съезда, что главное призвание России зарубежной – «бороться за воссоединение и возрождение национальной России. Борьбаться всячески и во всех направлениях» [Солженицын (ред.), 2006, с. 466]. Понимая, что для России как исторического субъекта остро стоит вопрос о сохранении своей целостности и идентичности, исходя из анализа ее истории, в работах на рубеже 1920–1930-х гг. Струве задается главным вопросом: каковы могут быть пути борьбы за Россию после революционной катастрофы – борьбы за ее будущее, что связано с видением желаемого образа будущего, в котором воплощаются представления об общественном идеале, его целостном и духовно-смысловом содержании.

Политико-философские взгляды Струве претерпели значительную эволюцию. Он прошел путь от экономического марксизма к леворадикальному либерализму, добываясь вместе с соратниками по «Союзу освобождения», составившими ядро партии кадетов, введения конституции. В «веховский» период Струве становится

сторонником умеренных либерально-консервативных воззрений и в эмиграции уже воспринимается как один из лидеров правых. Однако при всех позиционных изменениях, которые заставляли его, по выражению С.Л. Франка, менять не убеждения, «а фронты» [Франк, 1997, с. 485], исходной посылкой, определяющей его философию, была свобода. В этом Струве постоянен, предельно честен, являя образец «практического делателя» свободы. Понимая противоречия между государством, личностью и обществом, в специфическом виде проявившиеся в культурно-политической истории России, оставаясь сторонником ценности свободы и следуя в этом кумиру юности И.С. Аксакову, Струве пытался примирить либерализм и национализм на почве патриотизма и идеи общегосударственного творчества личности и нации. С этой точки зрения либерально понимаемый общественный идеал Струве, в основе которого находится интуиция свободы, в течение всей его жизни был неизменным, на что со всей определенностью указывал Франк: «От начала до самого конца своей жизни он в своей политической и публицистической деятельности, как и в своих научно-социологических и экономических убеждениях, был и оставался сторонником свободы как основного определяющего положительного начала общественной жизни и культурного строительства» [Там же, с. 483]. Изменениям подвергались некоторые представления о способе достижения этого идеала, поскольку как политический и общественный деятель Струве всегда задавался вопросом, какими средствами можно его достичь и в какой наиболее исторически «годной» политической и культурной форме воплотить.

В связи с этим обстоятельством специально отметим, что задача проблематизации общественного идеала в рамках анализа наследия Струве оказывается достаточно непростой. Эта исследовательская трудность подчеркивается еще и тем, что концептуальный и методологический ресурс его работ рассматриваемого эмигрантского периода интеллектуально и понятийно принадлежит эпохе позднего модерна, что в научном, историческом и практическом смысле ставит вопрос о применимости исторических выводов и теоретических положений текстов Струве в условиях современного общества эпохи глобализации, стирающих границы национальных культур и государств.

Кроме того, национально определяемые образы «желаемой» России, появляющиеся в процессе борьбы за нее, за ее место в истории, для зрелого Струве, мыслителя и политика, своим онтологическим и историческим основанием имеют русскую культуру, что предполагает в его либерально-консервативной программе преемственное освоение и творческое переосмысление ее духовно-интеллектуального опыта как целостной исторической личности. Для Струве, преодолевшего соблазн революции, это было неперенным условием. Он стал свидетелем того, как в XX в. в России был проигран радикальный сценарий, главной политической жертвой которого стала русская духовная и интеллектуальная культура, а в результате – русский народ. Современный исторический и цивилизационный контекст существования русской культуры, пережившей разрушения и репрессии в большевистский период, демократизированной и подстроенной под политические задачи советского общества, но сохраняющей память христианской традиции на уровне церковного, политического, духовно-нравственного и художественно-философского самосознания, в XXI в. значительно осложнен. Этот контекст изменен технологическим универсализмом постиндустриальной цивилизации и в меньшей степени демонтажем традиционных ценностей, ранее определявших картину мира христианской Европы, которая долгое время оставалась локомотивом мировой истории. В связи с этим вопрос об актуальности наследия Струве и релевантности его идей и сценариев развития для России постсоветской далеко не риторический.

Поэтому мы видим задачу данного исследования еще и в том, чтобы открыть эту дискуссию и тем самым продолжить и актуализировать философский дискурс

о России в ее общественно-историческом и духовном измерении согласно логике, предложенной П.Б. Струве, когда проблема общественного идеала трактуется в качестве определяющего фактора национального самосознания, имеет как теоретический, так и более конкретный историко-философский аспект. В связи с чем нас будут интересовать работы Струве 1930-х гг., в которых, как нам видится, получают итоговое развитие и историческую конкретизацию философско-политические и социокультурные аспекты его либерально-консервативного проекта Великой России.

Идеал постбольшевистской России

Основная тема философских размышлений и политической публицистики Струве периода эмиграции – выработка тактики идейной борьбы с большевизмом на основе политической теории либерального консерватизма и аналитики русской истории. Об этом он прямо заявляет в декабре 1925 г. на страницах «Возрождения», формулируя программу действий в «Восемнадцати политических максимах на сегодняшний день». Струве отказывается от задач реставрации, объявляя при этом свою политическую программу борьбы за «освобождение России от коммунистической власти и ее гнета», за возрождение в ней национальных начал жизни, политики, культуры, религии [Струве, 2004, с. 75].

Его программа состояла в том, чтобы «в жертвенном порыве» ежедневно отстаивать основы «своего национального бытия, своих общественных и культурных идеалов» [Солженицын (ред.), 2006, с. 466]. Если 1920-е гг. были заполнены для Струве идейно-политической и теоретической борьбой против большевистской власти, не исключая и вооруженную борьбу, то в 1930-е он все больше задается целью разработки плана развития постбольшевистской России, исходя из положений своей либерально-консервативной теории единства культуры и политики, итоговая модель которой оформилась именно в эмиграции.

В 1927 г. Струве покидает пост редактора газеты «Возрождение», пражско-парижский период его жизни подходит к завершению. Характерной чертой второго этапа эмиграции – белградского – стал отход Струве от активной политики. Весной 1928 г. он переезжает в Белград, где принимает участие в создании Русского научного института. Белградская среда была более «правой», однако и сам Струве значительно поправел к этому времени.

На быструю самоликвидацию Советов под бременем внутренних противоречий надежд уже не было. Струве вынужден это признать, хотя непоколебимо был уверен в неминуемом крушении большевизма. Наступление эпилога этой исторической драмы отодвигалось во времени. Поэтому центр своей активности он перенес на научную и образовательную деятельность, преследуя цель сохранения российских интеллектуальных традиций и воспитания национальной элиты, способной по возвращении в посткоммунистическую Россию взять рычаги государственного управления и развития культуры в свои руки. В Русском научном институте в Белграде, основанном 16 сентября 1928 г. с целью поддержки и развития русской научной мысли, вместе с Н.О. Лосским П.Б. Струве возглавил философское отделение. Осенью этого же года он приступил к чтению лекций.

Несмотря на то, что в 1930-е гг. политическая активность Струве снижается, он по-прежнему не оставляет своих усилий по восстановлению исторической России. Его задача теперь – обеспечить связь и преемственность поколений, привить молодой генерации русской эмиграции чувство родины, любви к России и ее культуре, сохранить научные школы, их интеллектуальные традиции. В этом контексте его либерально-консервативная позиция приобретает исторически конкретный смысл: *либеральным* является требование законности, прав и свобод человека, которые,

по мнению Струве, полностью нарушены и извращены советской властью, *консервативным* – опора на национальные идеалы, традиции культуры и религиозности, подвергающиеся в Советской России поруганию и истреблению. Бывший марксист и кадет Струве еще раз подтверждает свой либеральный консерватизм как общественно-политический идеал и философию государственно-культурного строительства в известном тексте «Б.Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности», опубликованном в январском номере «России и славянства» за 1929 г. [Струве, 1929, с. 3–4].

Анализ политических статей 1930-х гг. в журнале «Россия и славянство», издававшемся в Париже при участии П.Б. Струве (1928–1934), а также статей в литературно-политическом еженедельнике «Меч» (1934–1939) показывает, что Струве руководствуется идеями, высказанными ранее в знаменитой статье «Великая Россия» (1908), где сформулировано ядро либерально-консервативной концепции философа с его принципом культурно ориентированного государственного строительства. Ее основные теоретические положения – национальная жизнь, культура как содержание политического сознания, крепость государства, его хозяйственная мощь, право и права личности: «Идеал государственной мощи и идея дисциплины народного труда – вместе с идеей *права и прав* – должны образовать железный инвентарь этого нового политического и культурного сознания русского человека» [Струве, 1997, с. 55].

Осознавая трагизм положения большевистской России, Струве в 1934 г. выступает в Белграде с изложением восьми положений, где признает свершившуюся революцию политической, культурной и моральной катастрофой, но утверждает *вечность России* как национально-исторической личности. Если задача изживания язвы большевизма относится к текущему состоянию «подъяремной» России, в которой большевики произвели этнонациональное «расчленение», то стратегическая задача – это возрождение, как можно понять Струве, несостоявшейся в истории Великой России. «России нужна не реставрация, а возрождение или новое рождение. Возрождение потому нужно, что только оно и возможно. Реставрация же невозможна», – пишет мыслитель в статье «Не социализм, не реставрация, а освобождение и возрождение» [Струве, 2004, с. 349].

Казалось бы, что после гибели России, ее «великого исторического обвала» [Там же, с. 30], он должен был отказаться от концепта Великой России, содержащего конкретные задачи политической модернизации поздней империи. Ведь и правым, и левым ученый и политик отвечал, что он не реставратор [Там же]. Однако в его философских и публицистических работах середины 1920-х – 1930-х гг. мы можем видеть, что основные положения философии консервативного либерализма, определяемые концептами культуры и свободы, культуры и политики, личной годности, государства и нации, высказанные в дореволюционный период, продолжают разрабатываться с точки зрения как теории, так и практики государственно-политического строительства [Пономарева, 2004]. Они генетически связаны с идеалообразующей стороной концепта Великой России – с идеальным желаемым образом нации как государственного и культурного организма – русского могущества. Иными словами, идея Великой России как нации-государства, стержнем которой является ее национально-культурная традиция во взаимодействии высоких интеллектуальных, художественных, религиозных практик культуры, по-прежнему задает нравственный и политический горизонт для Струве в поздний период его творческой активности.

Струве формулирует свое понимание метафизической и культурно-политической реальности России, оттачивая аргументацию в публичной дискуссии с издателями «Нового града». Быть носителем исторической России означает для него чувствовать «себя едиными со всей историей России, с тем длинным рядом “памятников” и с той

непрерывной цепью “памятей”, о которых знаменитый русский историк говорил как о “нравственном запасе, завещанном нам великими строителями нашего нравственного порядка”» [Струве, 2004, с. 693].

Характерно, что Струве прибегает к авторитету В.О. Ключевского, ссылаясь на его знаменитую речь «Значение преподобного Сергия для русского народа и государства» (1892). Здесь проявляется и глубинная христианская интуиция философа. Он убежден, что русская культура в своем национальном развитии достигла мирового значения и в этом смысле представляет собой закономерный этап развития христианской цивилизации, ее ценностей, смыслов и культурных практик, она является проводником христианского универсализма и условием европеизации России. Безусловно, историческая Россия, программу возрождения которой разрабатывает Струве в 1930-е гг., предстает для него как *русская Европа* в виде мощной национально-культурной общности, защищенной государством. Выразителем политического и культурного идеала русской Европы для него является Пушкин.

Интеллектуально середина 1930-х гг. для Струве проходит под знаком Пушкина. Мемориальной дате – 100-летию со дня гибели поэта – он придавал исключительное значение. Пушкин стал символом объединения и сохранения национальной идентичности большой части эмиграции, деморализованной крушением надежд на быструю смену политической власти в России. В этом смысле показательна вдохновленная П.Б. Струве статья С.Л. Франка «Пушкин как политический мыслитель» с изложением концепции либерального консерватизма, философское и политическое лидерство в создании которой принадлежит его другу и наставнику Петру Струве. Статья была напечатана в Белграде отдельной брошюрой в 1937 г. Еще одну работу – «О задачах познания Пушкина» – Франк в этом же году, также с помощью Струве, разместил в Белградском Пушкинском сборнике.

Пушкинская тема обнаруживает глубинное единство с ключевой политико-философской интенцией Струве об антинациональном характере большевистской власти, антиподом которой являлся Пушкин – поэт и мыслитель, один из архитекторов русской культуры – подлинно русский культурный тип человека, обладавший, по мнению Струве и Франка, инстинктом государственности и интуицией творческой свободы, понимаемой в религиозном ключе. В подобной интерпретации Пушкин, гениальный выразитель «Духа и Слова», по определению Струве [Струве, 1937, с. 265], оказывался в той же мере строителем духовного тела нации, как и опорой ее государства, созидающего и охраняющего культуру, вечной ценностью русского народа, выражающей идеал *единства культуры и политики*. Этот идеал, по мнению Струве, только и мог спасти Россию от антирусской власти большевиков и дать нравственную перспективу жизни общества [Струве, 2004, с. 805]. Парадокс истории заключался в том, что эмиграция, как казалось на тот момент, Пушкина большевистской власти проиграла. Сталин национализировал Пушкина, превратив свободолобного поэта в непримиримого борца против гнета самодержавия. Поэт, как и его друзья декабристы, согласно ленинской схеме трех периодов освободительного движения, был записан в революционные святцы. Но советский человек, который стал читать и изучать Пушкиныя, пусть в специфической идеологической интерпретации¹, в которой не было, разумеется, места религиозности Пушкина, его европейско-христианскому универсализму, все же получил эту мощную духовную прививку свободы и творчества, что стало, как и верили Струве и Франк, а вместе с ними Федотов, Вышеславцев, Тыркова-Вильямс, Вейдле и многие другие русские интеллектуалы-эмигранты, условием его спасения и возвращения в собственную историю и культуру, говоря словами Струве, – *освобождения и возрождения*.

¹ Идеологизация творчества Пушкина и критика его политических взглядов со стороны социологизирующих авторов доминировали в 1920–1930-е гг., см.: [Черниговский, 2008, с. 78–82].

Струве пытался заново собрать Россию «в изгнании» как *пушкинскую* и предъявить двум Россиям – внутренней и зарубежной – Пушкина как национальный идеал, обозначить через его творчество задачу социального и нравственного переустройства страны. Теоретическому и историческому обоснованию этой задачи посвящены и его философско-публицистические тексты, и задуманный огромный труд «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом русской государственности», оставшийся незавершенным [Струве, 1952]. Даже в научном труде анализ российской истории для Струве служит пониманию того, с каким запасом идей и ценностей, исходя из своего цивилизационного опыта, включающего как культурные достижения, так и работу над политическими ошибками, Россия может и должна идти в будущее.

В эмигрантский период, что особенно заметно в работах 1930-х гг., когда тактическая политическая борьба с большевизмом, вплоть до возможности военной интервенции, исчерпывает себя, на первый план выходит образ-концепт будущей России. Струве возвращается к концепции Великой России, хотя, казалось бы, после гибели исторической России любые реминисценции этой концепции могли свидетельствовать об утопическом ее характере [Кантор, 2010, с. 161–162]. Тем не менее Струве разрабатывает ее как некий идеальный образ устройства будущей России. Общественно-политический идеал постбольшевистской России, возрожденной как новое русское могущество, новой Великой России, включает в себя *сильное государство*, способное осуществлять власть, гарантировать свободу и права личности, дисциплинировать социальную жизнь; *нацию*, которая является выражением духовного единства государства и народа; *религию*, выступающую в качестве духовной основы жизни; *империю*, репрезентирующую мощь многонационального государства с объединяющей ролью русского народа. Поэтому так протестует Струве против «расчленения» России большевиками, против этнонационального принципа административной «нарезки» ее государственного тела. Универсализирующим и интегрирующим началом для государства, нации и личности выступает *культура*, в которую мыслитель вкладывает смысл духовного переживания человеком истории и его творческий труд на благо общества. Знаменитая фраза Струве, подтверждающая спайку общества, государства и культуры: «...мы – государственники, патриоты и националисты, и потому для нас Россия превыше всего» [Струве, 2004, с. 142].

В 1930-е гг. ключевые структурные элементы философско-политической концепции Струве принимают окончательный вид: либерализм, в основе которого онтология свободы; государственность, оформляемая ключевой для мыслителя идеей права и прав; западничество, принимаемое в виде универсализма достижений европейской цивилизации; национальная культура, легитимизируемая и утверждаемая в многообразии ее духовно-художественных и интеллектуальных традиций. Важно, что эти ценности для Струве синтезируются и творчески вдохновляются силой любви к родине – движутся *патриотическим эросом*, составляя этос его личности. По этому поводу Семен Франк, определяя ключевой момент мирозерцания Струве, напишет в мемориальной статье: «П.Б. – отчасти, вероятно, по своему происхождению из дворянско-бюрократической семьи (отец его был губернатором), отчасти по внутреннему призванию к политической мысли – нес в себе и проявлял с самого начала зародыш совершенно иного, именно ответственного, положительного, творческого политического образа мыслей, отчетливо выделявшегося от обычного <...> рабского сознания (которому суждено было – увы! – практически восторжествовать и определить судьбу России)» [Франк, 2001, с. 450–451].

Значительно поправевшего в эмиграции Струве, патриотическая риторика которого могла восприниматься едва ли не имперско-монархической, все же нельзя однозначно считать проводником монархической идеи. При условии защиты института

частной собственности, что было для него аксиоматично, тип государственной власти как историческая форма существования нации становится вторичным, если реализуются исповедуемые философом и политиком либерально-консервативные ценности. Как можно интерпретировать политико-философские идеалы Струве, свободы и гражданские права должны соединяться с идеей прогресса, сильной государственной властью, с уважением к культурным традициям. Актуальным примером этого для Струве служат консервативные монархии, где либеральные ценности пользуются значительно большим уважением, чем в иных «демократических» республиках, социалистическое демократическое лидерство в которых пыталась декларировать партия большевиков, ведшая советский народ к «победе коммунизма».

Как и для многих русских интеллектуалов, философски осмыслявших историю России и ее срыв в революцию, для Струве одним из центральных в этот период оставался вопрос: могла ли быть альтернатива революции в виде эволюции общественного строя и все более глубокого обогащения общественного сознания идеями культурного творчества человека и нации? Собственно, эта мысль и составляла практическую сторону общественного идеала Струве, тематизируемого на разных этапах представлением о России как мощном государстве с великой культурой. Очевидно, что актором творческой программы переустройства России, по Струве, должна была стать личность – носитель этого идеала. И здесь философская программа Струве получает свое логическое завершение в связи с философски продуманной им еще в дореволюционный период концепцией «личной годности» [Карамурза, 2012, с. 132]. В этом ключе проблема общественного идеала в наследии Струве может быть понята и как проблема идеальной личности, являющей своей жизнью образцы мысли и действия, задающие моральную перспективу обществу и политической нации.

Либерально-консервативный проект Струве, его идеал Великой России, осуществлен не был. Эмиграция для философа – это опыт преодоления исторической катастрофы – моральной и интеллектуальной травмы русской интеллигенции, проигравшей Россию большевикам. Но свою веру в Россию Струве не утратил, и, как показало время, в споре с бывшим соратником Лениным исторически он оказался прав, сделав ставку не на историософию марксизма и утопические социальные идеалы коммунизма, а на духовно-исторический опыт России – на пушкинскую традицию *свободы и культуры*, философскую концептуализацию которой он осуществил совместно с Франком еще в «Очерках философии культуры», указывая на «трансцендентальную связь культуры с личностью» – на то, что «свобода личности есть первое и существеннейшее условие культуры» [Струве, Франк, 1905, с. 170].

Разнообразные сюжеты русской интеллектуальной и политической истории, ставшие предметом анализа Струве в дореволюционный период, преемственным образом разрабатываются им в 1930-е гг. Они напрямую связаны с формированием общественно значимых идей, сценариев социального и культурного развития, духовных и политических представлений о прошлом, настоящем и будущем России. Обращение к отечественной истории для создания проекта постбольшевистской России, которую Струве готов был видеть в будущем как возрожденную Великую Россию, – постановка и рассмотрение этого вопроса для мыслителя оказались невозможны без понимания проблемы общественного идеала в его метафизическом и культурно-политическом измерении.

Список литературы

- Бердяев, 1971 – *Бердяев Н.А.* Русская идея (Основные проблемы русской мысли XIX в. и начала XX в.). Париж: YMCA-Press, 1971. 259 с.
- Березовая, 1994 – *Березовая П.Г.* Веховское направление в российском либерализме // Либеральная модель общественного переустройства России на рубеже XIX–XX веков. М.: РГГУ, 1994. С. 70–90.
- Вандалковская, 2009 – *Вандалковская М.Г.* Историческая мысль русской эмиграции. 20–30-е гг. XX в. М.: ИРИ РАН, 2009. 432 с.
- Вышеславцев, 1994 – *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии // *Вышеславцев Б.П.* Этика преображенного эроса. М.: Республика, 1994. С. 154–324.
- Гайденко, 2001 – *Гайденко П.П.* Под знаком меры. Либеральный консерватизм П.Б. Струве // *Гайденко П.П.* Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 437–454.
- Жукова, 2012 – *Жукова О.А.* Национальная культура и либерализм в России (о политической философии П.Б. Струве) // *Вопр. философии.* 2012. № 3. С. 126–135.
- Колеров, Плотников, 1992 – *Колеров М.А., Плотников Н.С.* Творческий путь П.Б. Струве // *Вопр. философии.* 1992. № 12. С. 91–102.
- Кантор, 2010 – *Кантор В.К.* Петр Струве: Великая Россия, или Утопия, так и не ставшая реальностью // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии.* 2010. Т. 11. Вып. 4. С. 161–178.
- Кара-Мурза, 2012 – *Кара-Мурза А.А.* П.Б. Струве и развитие им концепции «личной годности» // *Петр Бернгардович Струве / Под ред. О.А. Жуковой и В.К. Кантора.* М.: РОССПЭН, 2012. С. 130–170.
- Люкс, 2012 – *Люкс Л.* Русский государственный Петр Струве // *Петр Бернгардович Струве / Под ред. О.А. Жуковой и В.К. Кантора.* М.: РОССПЭН, 2012. С. 253–278.
- Пономарева, 2004 – *Пономарева М.А.* П.Б. Струве в эмиграции: развитие концепции либерального консерватизма: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ист. н. Ростов н/Д, 2004. 26 с.
- Солженицын (ред.), 2006 – *Российский Зарубежный съезд. 1926.* Париж: Документы и материалы / Под общ. ред. А.И. Солженицына. М.: Русский путь, 2006. 865 с.
- Струве, 1929 – *Струве П.Б.* Б.Н. Чичерин и его место в истории русской образованности и общественности // *Россия и славянство.* 1929. № 9. С. 3–4.
- Струве, 2004 – *Струве П.Б.* Дневник политика (1925–1935). М.: Русский путь: Париж: YMCA-Press, 2004. 872 с.
- Струве, 1994 – *Струве П.Б.* Дух и Слово Пушкина: с прил. материалов к ист. толковому словарю языка Пушкина // *Белградский Пушкинский сборник / Под ред. Е.В. Аничкова.* Белград: Русский Пушкинский комитет в Югославии, 1937 (Слово). С. 265–342.
- Струве, 1997 – *Струве П.Б.* *Patriotica:* Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. 527 с.
- Струве, 1952 – *Струве П.Б.* Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культуры и ростом русской государственности. Париж: YMCA-Press, 1952. XV, 387 с.
- Струве, Франк, 1905 – *Струве П.Б., Франк С.Л.* Очерки философии культуры. 2. Культура и личность // *Полярная звезда.* 1905. № 3. С. 170–184.
- Франк, 2001 – *Франк С.Л.* Воспоминания о П.Б. Струве // *Франк С.Л.* Непрочитанное... статьи, письма, воспоминания / Сост. А.А. Гапоненков, Ю.П. Сенокосов. М.: Московская школа политических исследований, 2001. С. 394–582.
- Франк, 1997 – *Франк С.Л.* Умственный склад, личность и воззрения П.Б. Струве // *Струве П.Б.* *Patriotica:* Политика, культура, религия, социализм. М.: Республика, 1997. С. 477–494.
- Черниговский, 2008 – *Черниговский Д.Н.* Политическая биография А.С. Пушкина в трудах советских социологов 1920–30-х гг. // *Вестник Вятского гос. ун-та.* 2008. № 2 (1). С. 78–82.
- Pipes, 1970 – *Pipes R.* *Struve. Liberal in the Left, 1870–1905.* Cambridge, Mass., 1970. XIII, 415 p.
- Pipes, 1980 – *Pipes R.* *Struve. Liberal in the Right, 1905–1944.* Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1980. XX, 526 p.

Discourse about Russia and the Problem of the Social Ideal in P.B. Struve's Works of the 1930s*

Olga A. Zhukova

School of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: logoscultura@yandex.ru

The article actualizes the philosophical discourse about Russia in the heritage of P.B. Struve as well as it opens a discussion about the social ideal in his creative work. This question is formulated in a theoretical and historical-philosophical way. In our opinion, today it is necessary to return to the problem of the social ideal which was posed by Struve and the authors of his circle, considering it in a cultural-historical and epistemological perspective. The topic of the social ideal is of decisive importance in P.B. Struve's philosophical and journalistic texts devoted to Russia. The ideological and political struggle of the thinker is essentially a struggle for great Russia. The desired image of a better Russia is the ideal-forming beginning of his philosophical work and the main motive of his political activity. The purpose of the article is to conceptualize the problem of the social ideal in Struve's works of the 1930s based on the reconstruction of the social and cultural-historical aspects of his political and philosophical concept as well as to identify continuity in the development of the idea of Great Russia in the pre-revolutionary and emigrant period.

Keywords: P.B. Struve, Russian emigration, social ideal, national culture, politics, Great Russia, ideological struggle

References

- Berdyayev N.A. *Russkaya ideya (Osnovnye problemy russkoj mysli XIX v. i nachala XX v.)* [Russian Idea (The Main Problems of Russian Thought of the 19th century and the beginning of the 20th century)]. Paris: YMCA-Press, 1971. 259 p. (In Russian)
- Berezovaya P.G. Vekhovskoe napravlenie v rossijskom liberalizme [Vekhi's Direction in Russian Liberalism]. In: *Liberalnaya model obshhestvennogo pereustrojstva Rossii na rubezhe XIX–XX vekov* [Liberal Model of Social Reconstruction of Russia at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow: RGGU Publ., 1994, pp. 70–90. (In Russian)
- Chernigovskij D.N. Politicheskaya biografiya A.S. Pushkina v trudax sovetskikh sociologov 1920–30-h gg. [Political Biography of A.S. Pushkin in the Works of Soviet Sociologists of the 1920s – 30s]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2008, no. 2 (1), pp. 78–82. (In Russian)
- Frank S.L. Umstvennyj sklad, lichnost i vozzreniya P.B. Struve [Mental Warehouse, Personality and Views of P.B. Struve]. In: Struve P.B. *Patriotica: Politika, kultura, religiya, socialism* [Patriotica: Politics, Culture, Religion, Socialism]. Moscow: Republic Publ., 1997, pp. 477–494. (In Russian)
- Frank S.L. Vospominaniya o P.B. Struve [Memoirs of P.B. Struve]. In: Frank S.L. *Neprochitannoe... stat'i, pis'ma, vospominaniya* [Unread... Articles, Letters, Memoirs], ed. by A.A. Gaponenkov, Yu.P. Senokosov. Moscow: Moscow School of Political Studies Publ., 2001, pp. 394–582. (In Russian)
- Gajdenko P.P. Pod znakom mery. Liberalnyj konservatizm P.B. Struve [Under the Sign of Measure. Liberal Conservatism of P.B. Struve]. In: Gajdenko P.P. *Vladimir Solov'ev i filozofiya Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and the Philosophy of the Silver Age]. Moscow: Progress-Tradition Publ., 2001, pp. 437–454. (In Russian)
- Kantor V.K. Petr Struve: Velikaya Rossiya, ili Utopiya, tak i ne stavshaya realnost'yu [Peter Struve: Great Russia, or Utopia, Which Never Became a Reality]. In: *Vestnik russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii*, 2010, vol. 11, iss. 4, pp. 161–178. (In Russian)
- Kara-Murza A.A. P.B. Struve i razvitie im koncepcii "lichnoj godnosti" [Struve and His Development of the Concept of "Personal Suitability"]. In: *Petr Berngardovich Struve*, ed. by O.A. Zhukova and V.K. Kantor. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, pp. 130–170. (In Russian)

* The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at HSE University.

Kolerov M.A., Plotnikov N.S. Tvorcheskij put' P.B. Struve [The Creative Path of P.B. Struve], *Voprosy filosofii*, 1992, no. 12, pp. 91–102. (In Russian)

Luks L. Russkij gosudarstvennik Petr Struve [Russian Statesman Peter Struve]. In: *Petr Berngardovich Struve*, ed. by O.A. Zhukova and V.K. Kantor. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, pp. 253–278. (In Russian)

Pipes R. *Struve. Liberal in the Left, 1870–1905*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970. XIII, 415 pp.

Pipes R. *Struve. Liberal in the Right, 1905–1944*. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, 1980. XX, 526 pp.

Ponomareva M.A. *P.B. Struve v emigracii: razvitie koncepcii liberalnogo konservatizma: avtoref. dis. na soisk. uchen. step. k.ist.n.* [Struve in Emigration: the Development of the Concept of Liberal Conservatism]: abstract. dissert. Rostov-on-Don, 2004. 26 p. (In Russian)

Rossijskij Zarubezhnyj s'ezd. 1926. Parizh: Dokumenty i materialy [Russian Foreign Congress. 1926. Paris: Documents and Materials], ed. by A.I. Solzhenitsyn. Moscow: Russian Way Publ., 2006. 865 p. (In Russian)

Struve P.B. B.N. Chicherin i ego mesto v istorii russkoj obrazovannosti i obshchestvennosti [B.N. Chicherin and His Place in the History of Russian Education and Society], *Rossiya i slavyanstvo*. 1929, no. 9, pp. 3–4. (In Russian)

Struve P.B. *Dnevnik politika (1925–1935)* [The Diary of a Politician (1925–1935)]. Moscow: Russian Way Publ.; Paris: YMCA-Press, 2004. 872 p. (In Russian)

Struve P.B. Dukh i Slovo Pushkina: S pril. materialov k istoricheskomy tolkovomu slovarjuazyka Pushkina [The Spirit and the Word of Pushkin: With ad. Materials for the Historical Explanatory Dictionary of the Pushkin Language]. In: *Belgradskij pushkinskij sbornik* [Belgrade Pushkin Collection], ed. by E.V. Anichkov. Belgrade: Russian Pushkin Committee in Yugoslavia, 1937 (Word), pp. 265–342. (In Russian)

Struve P.B. *Patriotica: Politika, kultura, religiya, socializm* [Patriotica: Politics, Culture, Religion, Socialism]. Moscow: Republic Publ., 1997. 527 p. (In Russian)

Struve P.B. *Socialnaya i ekonomicheskaya istoriya Rossii s drevnejshikh vremen do nashego, v svyazi s razvitiem russkoj kultury i rostom russkoj gosudarstvennosti* [Social and Economic History of Russia from Ancient Times to Our Own, in Connection with the Development of Russian Culture and the Growth of Russian Statehood]. Paris: YMCA-Press, 1952. XV, 387 p. (In Russian)

Struve P.B., Frank S.L. Ocherki filosofii kultury. 2. Kultura i lichnost [Essays on Philosophy of Culture. 2. Culture and Personality], *Polyarnaya Zvezda*, 1905, no. 3, pp. 170–184. (In Russian)

Vandalkovskaya M.G. *Istoricheskaya mysl' russkoj emigracii. 20–30-e gg. XX v.* [Historical Thought of Russian Emigration. 20–30s of the 20th century]. Moscow: RAS Institute of Russian History Publ., 2009. 432 p. (In Russian)

Vysheslavcev B.P. Vechnoe v russkoj filosofii [Eternal in Russian Philosophy]. In: Vysheslavcev B.P. *Etika preobrazhennogo erosa* [Ethics of the Transformed Eros]. Moscow: Republic Publ., 1994, pp. 154–324. (In Russian)

Zhukova O.A. Nacionalnaya kultura i liberalizm v Rossii (o politicheskoy filosofii P.B. Struve) [National Culture and Liberalism in Russia (about the Political Philosophy of P.B. Struve)], *Voprosy filosofii*, 2012, no. 3, pp. 126–135. (In Russian)